

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.6>

UDC 271.22-788+94(470.12)«16»
LBC 86.372-647+63.3(2 Рос-12)44-3

Submitted: 10.03.2021
Accepted: 01.04.2021

BELOZERSK MONASTERIES IN CRISIS YEARS (1570s – 1610s)¹

Zoia V. Dmitrieva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Marina N. Rumynskaia

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Tatiana V. Sazonova

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the situation of the monasteries of the Belozersk region in the last quarter of the 16th century – the first decade of the 17th century: regional manifestation of crisis phenomena, the reasons for their occurrence, the degree of influence of individual factors (epidemic, famine, foreign invasion). **Methods and materials.** The topic is disclosed using the methods of historical research (analysis, synthesis, external and internal criticism of documents). The source base was made up of acts and monastic business books, including inventory of property. **Analysis.** In the last quarter of the 16th century – the first decade of the 17th century the Russian state was going through a deep crisis, which was observed in all aspects of the life of Russian society: political, dynastic, economic and social; it was intensified by the great famine of 1601–1603. During these years monasteries remained centers of economic stability, providing the brethren, servants, ministers and beggars with the necessary products and household items. In the years of famine, grain from the monastic granaries was “loaned” to the peasants for consumption and sowing. The devastation of the monastic economy and the physical destruction of the population began in the Time of Troubles. As a result, the authors came to the following conclusions: the crisis of the last quarter of the 16th century and the Great Famine of the early 17th century did not lead to degradation and disruption of the traditional way of life in the region; the destruction of Belozersk monasteries begins in 1612 and continues until 1618; only the Kirillov Monastery, headed by Abbot Matthew, was able to organize the defense and protect the fortress, preserving the Cyril’s heritage from the Polish-Cossack plunder.

Key words: Belozersk monasteries, the crisis in Russia in the last third of the 16th century, the Great Famine, the Time of Troubles, “Polish ruin”, the abbot of the Belozersk Monastery Matthew.

Citation. Dmitrieva Z.V., Rumynskaia M.N., Sazonova T.V. Belozersk Monasteries in Crisis Years (1570s – 1610s). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 72-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.6>

УДК 271.22-788+94(470.12)«16»
ББК 86.372-647+63.3(2 Рос-12)44-3

Дата поступления статьи: 10.03.2021
Дата принятия статьи: 01.04.2021

БЕЛОЗЕРСКИЕ МОНАСТЫРИ В КРИЗИСНЫЕ ГОДЫ (1570–1610-е гг.)¹

Зоя Васильевна Дмитриева

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Марина Николаевна Румынская

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Татьяна Викторовна Сазонова

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрено положение монастырей Белозерского края в последней четверти XVI в. – первом десятилетии XVII в.: региональное проявление кризисных явлений, причины их возникновения, степень влияния отдельных факторов (эпидемия, голод, иностранное вторжение). *Методы и материалы.* Тема раскрыта с применением методов исторического исследования (анализ, синтез, внешняя и внутренняя критика документов). *Источниковую базу* составили акты и монастырские хозяйственные книги, включая описи имущества. *Анализ.* В последней четверти XVI в. – первом десятилетии XVII в. Российское государство переживало глубокий кризис, который наблюдался во всех аспектах жизни русского общества: политической, династической, экономической и социальной; его усилил великий голод 1601–1603 годов. Монастыри же в эти годы оставались центрами экономической стабильности, обеспечивали необходимыми продуктами и предметами быта братию, слуг, служебников и нищих. В голодные годы из монастырских житниц давали «взаимы» крестьянам зерно на потребление и посев. Разорение монастырского хозяйства, физическое уничтожение населения начинается в Смуту. *В результате* авторы пришли к выводам: кризис последней четверти XVI в. и великий голод начала XVII в. не привели к деградации и нарушению традиционного жизненного уклада в регионе; разорение белозерских монастырей начинается с 1612 г. и продолжается до 1618 г.; только Кириллов монастырь во главе с игуменом Матфеем смог организовать оборону крепости и не допустить разграбления церковных ценностей. *Вклад авторов.* Концепция статьи – авторский коллектив; выявление, исследование и написание текста: о Кирилло-Белозерском монастыре – З.В. Дмитриева, о Кирилло-Новозерском и Горичком монастырях – Т.В. Сазонова, о Ниловой Сорской пустыни и Ферапонтове монастыре, общее редактирование текста – М.Н. Румынская.

Ключевые слова: Белозерские монастыри, кризис в России последней трети XVI в., великий голод, Смута, «польское разорение», игумен Кирилло-Белозерского монастыря Матфей.

Цитирование. Дмитриева З. В., Румынская М. Н., Сазонова Т. В. Белозерские монастыри в кризисные годы (1570–1610-е гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 72–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.6>

Введение. В странах Западной Европы и в России средневековое общество и население Нового времени периодически страдало от голода, эпидемий и пожаров. Только за первую половину XVI в. новгородские летописи зафиксировали более 20 голодных лет (дождливое лето, ранняя зима, сильные морозы, засуха, «мор велик») [6, прил. XVI в.]. Однако не всегда природные и социальные катаклизмы приводили к разрушению экономического уклада, быстро восстанавливалась численность горожан и крестьян. Эти процессы прослеживаются на территории всей Рос-

сии в конце 1560-х – начале 1570-х гг., когда они становятся необратимыми и выливаются в кризис [1, с. 294; 18, с. 169–172]. Главными причинами бедственного положения населения в те годы были «моровое поветрие» и голод. В 1569 г. «недород был великий хлебному плоду: рожь обратилась травой мятлицею и бысть глад великий по всей вселенной». В 1570 г. на Москве и во всех русских землях – «глад велик» и «мор силен». Необычайно дождливое лето с заморозками в этот год наблюдалось и в немецких землях [6, с. 318]. Эпидемия и неурожаи продолжались и в сле-

дующем году, в западнорусских землях и Речи Посполитой голод и «мор был великий... бóльшего не помнят» [6, с. 318].

В отдельных регионах в последней трети XVI в. запустело более половины деревень, многие земли забрасывались «впусто». Появление «пустоты» в 1570-е гг. отмечено писцами и в Белозерском уезде. Как явствует из писцовой книги езовых двorcовых волостей 1585 г., «от голоду и морового поветрия в 78-м» (1569/70) запустело почти 50 % деревень и более 2,5 тыс. десятин ранее обрабатываемых земель [2, с. 47]. Эти же причины «пустоты» называли и дозорные книги других белозерских сел [2, с. 46, 47]. Эпидемия, а затем голод продолжались в Белозерском крае более года (с конца 1569 г. по 1571 г.), а их последствия наблюдались и в начале XVII в. [2, с. 48, табл. 31].

Методы и материал. Источниковую базу статьи составили: акты; приходо-расходные денежные, хлебные, вкладные и другие книги учета сбора пожертвований в монастырях; описи монастырского имущества [3–5; 14; 21; 22–25; 29]. В статье применены традиционные методы использования документальных материалов XVI–XVII в. (анализ, синтез, внешняя и внутренняя критика документов). Информационный анализ источников проведен также с использованием методов источниковедения, палеографии и кодикологии.

Дискуссия (историография). «Смутному времени» начала XVII в. в российской историографии отведено значительное место. В эти годы, без преувеличения, можно сказать, решалась судьба российской государственности. Десятки новых исследований и публикаций источников, многочисленные статьи о Смуте, появившиеся в последнее время, свидетельствуют о том, что изучение политического, социального и экономического положения страны в период «Смутного времени» продолжается [20]. В октябре 2018 г. в Волгограде прошла приуроченная к 400-летию окончания Смутного времени в России Международная научная конференция «Смутные времена в России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки». Ее материалы опубликованы в Вестнике Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отно-

шения. 2019, т. 24, № 2. Аналитический обзор докладов и обсуждаемых проблем в секциях и на круглом столе дан в статье А.Л. Клеймана [17]. На конференции были определены основные направления дальнейшего изучения переломных этапов в истории России. Настоящая статья находится в русле одного из них: выявление природы общественно-политических конфликтов [17, с. 220]. Для исследования выбран один из регионов Поморья, где сохранность документальных материалов позволяет проследить историю «нестроения» и механизмы его преодоления в России на протяжении почти 50 лет.

Анализ. Политика государства по ликвидации «пустоты» была направлена на стабилизацию экономического положения в регионах. 31 января 1577 г. Кирилло-Белозерский монастырь получил жалованную тарханную грамоту на деревни «под монастырем», несудимую и тарханно-проезжую на всю вотчину [10, прил. 1, с. 289, 290]. Грамота была выдана по челобитью кирилловских старцев, которые писали государю, «что было де у них в Белозерском уезде лихое поветрие, и тем де лихим поветрием в их Кириллове монастыре люди деловые вымерли» [10, прил. 1, с. 289]. Важно отметить, что монастырь и «их попы, и дьяконы, и люди, и крестьяне» освобождались от всех проезжих и торговых пошлин [10, прил. 1, с. 290]. В феврале того же года на Белоозеро городовым приказчиком была прислана указанная грамота с прочетом о невзвании государевых податей с отарханенных кирилловских деревень [10, прил. 2, с. 290].

В 1581/82 г. Кирилло-Новоезерский монастырь получил жалованную грамоту, согласно которой ему было пожаловано несколько новых поселений и «три версты» леса, в 1583 г. пожалование было подтверждено [15, с. 358, № 1133].

Жалованную и несудимую грамоту 16 мая 1586 г. получил и женский Горицкий Воскресенский монастырь. «Старицу царицу» Дарью и игуменью Дарью с сестрами ц. Федор Иванович пожаловал, дал из дворцовых волостей сельцо Никольское «с деревнями и с пустошми», а также несколько пустошей «по реке Шексне». Документ включил полную копию описания этих поселений в писцовой книге кн. Федора Жирово-Засекина 7095 г. (1586/87) [3, № 217, с. 411–413].

В последней трети XVI в. монастыри под-держивали вкладчики («люди разных чинов») [9; 22, с. 168–186, 197–206]. Только ц. Иван IV Васильевич с начала 1570-х вложил в Кириллов более 12 тыс. рублей. 31 марта 1570 г. царевичи Иван и Федор Ивановичи «пожаловали в дом Пречистые Богородицы и чудотворцу Кирилу» более 1,5 тыс. руб. «за царевичево здравие Бога молитве» [7, л. 11 об.–13]. На вклады царевичей в Кириллове монастыре над Святыми воротами была возведена церковь Иоанна Лествичника с приделом Федора Стратилата, освящена в 1572 году. Внешний облик храма и интерьер представлен в описи 1601 г. [23, с. 112–116; коммент., с. 246]. В 1585 г. были расписаны стены и своды Святых ворот [23, с. 218–220; коммент., с. 272, 273].

Вероятно, в последней четверти XVI в. и другие белозерские монастыри располагали необходимыми финансовыми средствами для проведения ремонтных работ. Из расходной книги Кирилло-Новоезерского монастыря за 1599 г. явствует, что казначей нанимал работников, покупал «гвоздья тесовово», в церкви Пречистые Богоматери Одигитрии «трапезу крыли», «крест обивали» [28, л. 41 об., 45].

Экономическую стабильность монастырей, прежде всего небольших, где численность монахов не превышала 10 человек, обеспечивала государева хлебная и денежная руга. Она выдавалась и во второй половине XVI в., и в Смуту. Правда, в 1610-е гг. монастырским старцам приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы ее получить [30, с. 146, 147; 29, с. 254, 255].

О денежном недостатке в монастырях свидетельствует расходный денежный «бюджет» того времени. Масштабы затрат можно проследить по материалам Кирилло-Белозерского монастыря. От XVI в. сохранились две расходные книги: казначей ст. Пимена за 14 месяцев (29 ноября 1567 г. – декабрь 1568 г.) и за 11 месяцев казначей ст. Елеуферия (23 июня 1581 – апрель 1582 г.). Сравнение денежных затрат на содержание братии по двум хронологическим срезам показало, что в 1580-е гг. они выросли более чем в 1,5 раза, с 2 055 руб. 28 алт. 1,5 ден. до 3 270 руб. 26 алт. 1,5 ден., причем в 1568-е гг. приход учтен за 14 месяцев [22, С. 0С1; 0СП–0СХХVII (подсчет наш)]. В 1580–1590-е гг.

денежные средства шли также на поддержание монастырских крестьян и стабилизацию в целом положения в регионе. Даже в начале XVII в. в долгах у крестьян значилось более 10 тыс. руб. [23, с. 344].

Процветающим выглядит Кириллов монастырь и в начале XVII века. Материалы ревизии, проведенной по указу ц. Бориса Годунова в июле 1601 г., дают полное представление об убранстве монастырских храмов, состоянии монастырского хозяйства, численности насельников монастыря, а также о степени запустения кирилловских вотчин. Государевы писцы описали все кирилловские постройки, иконы, ризы, книги, акты, денежную казну, житницы с собранным хлебом, скот в монастырских селах, денежные и хлебные кабалы, а также вотчинные села, деревни и пустоши, находившиеся в 11 уездах. Результаты были зафиксированы в описи имущества и переписной книге [23, с. 42–232; 10, с. 95–103].

В 1601 г. кирилловская братия составила 184 человека; слуг, служебников, мастеровых за монастырем значилось 575 человек, из них на территории монастыря проживало 529 человек. В больнице и богадельне находился 101 человек [22, с. 55, 56, примеч. 168]. Денежных и хлебных запасов в Кириллове монастыре хватало для поддержания жизнедеятельности обитатели. Здесь накануне великого голода государевы писцы в житницах зафиксировали более 25 тыс. четвертей ржи, муки, ячменя, овса, солода, круп и толокна, денег в казне – более 7 тыс. руб. [23, с. 226; 27, с. 411]. Если исходить из расчета, что четверть вмещала 4 пуда ржи, то объем наличного «хлеба» составил около 100 тыс. пудов (учитывая разный вес зерна и муки). Напомним, что описание состоялось в июле месяце, то есть до поступления урожая.

События начала нового столетия стали трагическими для Русского государства. Летом 1601 г. шли «дожди непрестанные, и рожь и ярь замekli и зазимовали на поле» [6, прил. XVII в., с. 325]. В Кириллове монастыре осенью планировали собрать более 15 тыс. четвертей «хлеба». Документов о сборе оброка с крестьян и поступлений с монастырской пашни за 1601–1602 гг. не сохранилось. Однако можно с уверенностью сказать, что «хлеба» в монастыре хватало. В ав-

густе 1602 г. и весной 1603 г. хлеб продавали, причем цена четверти ржи незначительно превышала норму, установленную указом ц. Бориса Годунова от 3 ноября 1601 г. с целью не допустить спекуляцию хлебом: рожь следовало продавать по «указной цене» по полтине за четверть (100 ден.) [8, с. 68]. Кириллов в эти годы рожь продавал по 20 алтын за четверть (120 ден.). Осенью 1602 г. на Белоозере было продано 30 четвертей ржаной муки по цене 1600 г. – 10 алтын (60 ден.) за четверть [11, с. 14]. Всего было продано более 1 300 четвертей хлеба. От «хлебной продажи» в монастырь поступило более 800 руб. [11, с. 14]. Возможно, массовая продажа урожая 1602 г. была вызвана тем, что часть собранного зерна была побита морозом, «хлеб зяблый» был непригоден для длительного хранения и посева.

В голодные годы зерно (рожь, овес, пшеницу и ячмень) из монастырских житниц выдавали крестьянам на посев и на «ежю» (еду) «взаймы». В марте 1602 г. белозерские крестьяне взяли на посев 2 214,5 четверти овса и ячменя. Плата за четверть ржи и овса незначительно превышала полтину (100–120 ден.) [11, с. 15]. Весной 1603 г. кирилловские власти продолжали обеспечивать крестьян посевными семенами: на посев яровых культур крестьяне получили займы более 500 четвертей. Причем зерно выдавалось как кирилловским, так и дворцовым крестьянам. Однако условия возвращения ссуды для своих крестьян были менее обременительными: они должны были вернуть за вычетом семян на свой посев половину собранного хлеба, дворцовые же – половину всего урожая. В марте следующего года на «ежю» крестьянам было роздано (с оформлением кабальных записей) 247 четвертей «зяблого» овса и немного более 40 четвертей разного хлеба на посев. Причем цена «зяблого» овса для крестьян деревень, расположенных «вблизи монастыря», была снижена до 7 алтын за четверть (42 денег) [10, с. 31]. Хлебные запасы, хранившиеся в монастырских житницах в июле 1601 г., а также зерно, собранное вскоре после великого голода, позволили обеспечить потребность насельников и поддержать белозерское и вологодское население посевным зерном в голодные годы. Каков был урожай в сентябре 1601 и 1602 гг. – неизвестно, но осе-

нью 1603 г. смогли собрать более 3 тыс., в 1604 г. – более 5 тыс., а в 1608 г. – почти 7 тыс. четвертей разного хлеба (ржи, овса, пшеницы и ячменя) [11, с. 27–31, табл. 3, 4, 6].

Несомненно, «нестроение» начала века нанесло урон монастырскому хозяйству: в 1603/04 г. «на потребное» казначей ст. Евстафий истратил менее 1 тыс. руб., то есть в три с лишним раза меньше, чем это было в начале 1580-х гг. [22, прил., с. 0CLVII]. Однако уже в 1605/06 г. на содержание насельников монастырь потратил около 3 тысяч. Этот же уровень в целом сохранился и в последующие годы, за исключением 1617/18 г., когда в монастыре было истратено немногим более 1 тыс. руб. [22, прил., с. 0CLXXXIX, 0CCC, 0CCCVI; 27, с. 58, 82, 106, 113, 131, 170].

Обычная хозяйственная жизнь обители в годы Смуты не нарушалась: монастырские старцы и слуги ездили в Поморские промыслы (Пушлахту, Лямцу, Неноксу), в Вологду, Москву, Ярославль, Кострому, на Белоозеро и в другие города; посещали не только белозерские села, но и вотчины, расположенные в центральных уездах государства. Монастырь покупал самые разнообразные продукты: свежую и соленую рыбу, икру «сиговую» и «мненую», «моль заонежский», мед, конопляное масло, горох, свежую и соленую капусту, лук, гречневую крупу, просо, медвежье и говяжье сало, а также сукна, пояски, бараньи шубы, холсты, «ирхи», мерлушки, сапоги, сермяги, дровни, бумагу, «орешки чернильные», «лошки шадровые», ножницы «мастерские», лен «новгородский», мережи «неводные», железные котлы и многое другое – все, что было необходимо для поддержания жизни монастырских насельников. Как видим, изменений в структуре потребления не произошло и в годы кризиса. Также регулярно выплачивали «жалованье» монастырским слугам, служебникам и мастерам.

Значительные денежные средства из кирилловской казны были потрачены на «приход государя». Так, в августе 1605 г. кирилловские старцы «на царское венчание и на приход государыни» выдали казначею 203 руб. 26 алт. 4 ден. [22, с. CLXXV]. В декабре 1605 г., как записано в «сундушной» денежной книге, «государь царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси велел взятии

из монастырские казны на свой государев царский обиход пять тысяч рублей», деньги были отправлены в Москву и отданы в приказ Большого дворца [27, с. 417].

В «московское разоренье» в 120 г. (1611/13 г.) на Афанасьевском подворье в Москве в пожаре сгорело 205 четвертей пшеничной муки (ее годом ранее выменяли на соль и привезли из Ярославля), «погибло в ней цены... 239 рублей 27 алтын 4 денги» [27, с. 89, 90]. В эти же годы «на Москве» «литовские люди» взяли у строителя ст. Филарета более 130 руб. [27, с. 90].

Монастырские деньги шли также на обеспечение «государевой службы». В 1605 г. «для сиверские службы» по решению монастырского собора было выдано 975 руб. 24 алт. [27, с. 416]. В июле 1610 г. «в полки князю Михаилу Васильевичу Шуйскому с монастырские вотчины с пуста дано 28 рублей 25 алтын 4 денги» [27, с. 53]. Тогда же «в полки купили немецким людем на корм» 30 туш свиных и говяжьих, «15 гусей, 20 тетеревей, 15 куров, 49 ососов, 450 яиц» [27, с. 53]. За все было заплачено более 25 руб., за доставку «запаса» от Вологды до Александровской слободы – 1 руб. 20 алт. 6 ден. Монастырские слуги ездили «к Москве в полки», стояли «под Москвой» и «на земской службе на Череповской засеке». Им выдавали деньги, покупали хлеб, рыбу, мясо, телеги, седла, сани; для содержания лошадей – овес. Часто затраты превышали 100 руб. [27, с. 65, 67, 75, 88, 89]. В июле 1615 г. в Нижнем Новгороде «на монастырский обиход и для ратных людей» было куплено 555,625 четверти ржи, потрачено более 200 руб. (за четверть платили 13 алт. 2 ден. – 80 ден.).

Финансовые средства позволили кирилловским властям укрепить крепостные стены. Основные заботы по проведению ремонтных работ и защите монастыря от «польских людей» легли на плечи игумена Матфея, поставленного в Кириллов 2 июля 1606 г. [22, с. 121]. В начале сентября 1610 г. по его приказу «и по приговору старцов соборных старец Еустафей Григорьев да старец Феодосий Борков наймовали казаков, каменщиков и подымщиков, около монастыря починивали города и вново вверх прибавляли», израсходовали на эту работу 26 руб. 26 алт. 5 ден. [27, с. 35]. Но еще в сентябре по приговору мона-

стырского собора «покровскому старцу Исаею за городовое каменное дело» был дан рубль [27, с. 35]. В октябре 1611 г. монастырские крестьяне для ремонта крепости «резали 40 950 кирпичей» [27, с. 65].

Для обороны монастыря в июле 1611 г. в Архангельске кирилловский старец Макарий Облезлов купил оружия: «4 пищали скорострельные», 8 пищалей «карабельных с прикладами», 6 самопалов «больших свитцких з замки», «32 ствола самопальных», денег за оружие и его провоз было потрачено более 5 руб. [27, с. 53]. По мнению А.Н. Кирпичникова и И.Н. Хлопина, кирилловские старцы пополняли свой арсенал «наиболее совершенным для того времени оружием» [16, с. 86]. В декабре 1613 г. также в Архангельске «на монастырский обиход для осадного времени» было приобретено 54 пуда 5 гривенок пороха, 28 пудов 15 гривенок свинца и 40 «самопалов». На покупку «зелья» и оружия монастырь потратил более 100 руб. [27, с. 91, 98].

В «осадное время» кирилловские власти не только укрепляли оборону монастыря, но пытались спрятать («утаить») иконы, украшенные богатыми окладами. Сведения об этом содержит опись 1615 г., где записано, что у одной из местных икон «образа Пречистые Богородицы и у Превечнаго Младенца было 15 гривен серебряны вытые... в осадное время, хоронячи кузнь образную для литовских людей, изломались» [24, л. 221].

В самый разгар Смуты монастырские власти предприняли работы по реставрации и обновлению окладов чудотворных икон – Пречистой Богородицы и преп. Кирилла, по преданию написанной Дионисием Глушицким. С сентября 1611 г. по февраль 1612 г. денежные средства, золотые, серебряные вещи, драгоценные камни, жемчуг собирали всем миром: вклады делали старцы Кириллова и старицы Воскресенского Горицкого монастырей, монастырские слуги, представители княжеских фамилий, священники и другие «христоролюбцы» [21, с. ХСХ–СVIII]. В мае 1615 г. по окончании работ была составлена опись храмового имущества, где зафиксировано, что сделано при игумене Матфее «вново, и что перенесено из места в место после писцовых книг», то есть после составления описи 1601 г. [24, л. 1].

Нет сомнений в том, что монастыри даже в годы кризисов оставались оплотами социальной и экономической стабильности. Однако многие из них пострадали от разорительных «приходов» «польских и литовских людей» и отрядов «воровских казаков». Первый удар по Белозерью был нанесен отрядами тушинцев в 1608–1609 годах. В 1609 г. ими была разгромлена Устюжна. С началом польско-литовской интервенции началась волна нового разорения. В 1610 г. был ограблен Череповецкий Воскресенский монастырь [26, с. 90–94]. После падения 1 июля 1611 г. Смоленска многочисленные польско-литовские отряды из армии короля Сигизмунда III разошлись по стране, грабя и разрушая все на своем пути. Один из таких отрядов 10 июля 1612 г., захватив Белозерск, направился к Кирилло-Белозерскому монастырю и 20 августа подошел к нему по Уломской дороге. Однако отряд не решился на штурм крепости, но разграбил и сжег все, что было за монастырскими стенами: конюшни, гостиный двор, мельницы, амбары, кожевни и другие службы [21, с. 51, 51; прил. 6, с. LXXXVIII].

Пройдя по селам и деревням Белозерского края, «литовские люди» и «русские воры» двинулись к Вологде и разорили город 22 сентября 1612 года. На вологодском подворье Кириллова монастыря сгорели значительные запасы соли. Грабежи и разорение в крае продолжались еще несколько лет. В начале декабря 1612 г., как пишет Н.К. Никольский, «шайки литовцев опять появились вблизи Кириллова и ночью 5 декабря под предводительством пана Бобовского приступили к нему приступом, хотя и безуспешно» [21, с. 52]. 9 декабря значительные силы 600 и более человек под начальством полковника Кристопа Песоцкого подошли к Кириллову и пытались в ночь на 11 декабря при помощи лестниц штурмовать крепость. Все атаки были отбиты, несмотря на численное превосходство «литовского войска». В монастыре «для осадного времени» находилось 200 стрельцов [21, с. 52]. После осады кирилловские власти писали на Белоозеро, как люди пана Песоцкого «ходили к монастырю приступом», многие из них погибли, а остальные «пошли прочь от монастыря»; под стенами монастыря был убит Пан Песоцкий, тело его вывезли и со-

жгли «в Горьском монастыре во дворе в чем его убили». В отписках монастырские старцы сообщали о передвижении «польских и литовских людей и русских воров» и просили у белозерцев «прислати на помочь ратных людей» [12, № 168, с. 299, 300; № 170–172, с. 302–306; № 174, с. 307]. Важно отметить, что в Кириллове монастыре хорошо были осведомлены о местонахождении неприятельских отрядов, «для вестей» из монастыря посылали слуг в белозерские и поморские села, в Вологду, Москву и Ярославль. Усилиями кирилловских властей от разграбления удалось спасти один из богатейших монастырей, сохранить братию, храмы и иконы, библиотеку и архив.

Во всех других белозерских монастырях побывали «литва» и казаки. В начале декабря 1612 г. был разорен женский Воскресенский Горицкий монастырь, «а церковь Божия поругана и обращена безбожными людьми в скотное стоялище». Судьба горицких насельниц неизвестна [19, с. 302].

14 декабря 1612 г. кирилловский служка Григорий Морозов, приехав из Ферапонтова, в «роспросе» сказал, что казаки сняли «чорный бархат» с «чюдотворной раки» преп. Матиниана, «в церквах де ходили, и Божие престолы обругали по церквам, и ворота де и по кельям двери все прижжены, и в кельях и в сенех лошади стояли...» [13, № 27, с. 51]. Но уже в 1613 г. ферапонтовские старцы провели ремонтные работы (меняли тябла) в храме Рождества Богородицы [32, с. 134].

Побывали «воровские люди» и в Кирилло-Новоозерском монастыре. Как явствует из описи 1614 г., в часовне преп. Кирилла был «образ Спасов обложен медью», золоченый оклад «ободрали литовские люди»; на территории монастыря «двор обвалился весь и ворот нет, поставлена изба, внутри не утеплено», а «келей на монастыре пять, кровли на них огнили и от озера подмыло, в оных и жити нельзя» [25, л. 29]. Колокольня, упоминаемая в описи 1581 г., в 1614 г. исчезла, а колокола находились «у церкви Воскресения Христова в паперти двое» [25, л. 27]. Храмовое имущество также находилось в упадке: в Воскресенской церкви «были четыре свечи местные, те свечи переломаны, воск перегрет в кругах», «на престоле же Евангелъе... обложено кам-

кою черною, камка ветха», «сосуды церковные... покровцы на них зенденные полиняли... книга Соборник да Мытарь... ветха, измочена» [25, л. 20–21 об., 29].

До удаленной от больших дорог, затерянной в белозерских болотах Ниловой Сорской пустыни «литовские люди» добрались только в 1615 году. Как писал строитель ст. Иона, он покинул пустынь 21 декабря 1615 г. «от казачья разорения на время в Кириллов» [29, с. 258]. Ранее в пустыни повседневная жизнь шла по-прежнему: проводили ремонтные работы в храме, в кельях и на мельнице; покупали для братии продукты питания, предметы церковного и бытового обихода. Даже в самый разгар Смуты, летом 1612 г., строитель ст. Маркел ездил в Ярославль с подарками кн. Д.М. Пожарскому [29, с. 256, 257]. Однако, несмотря на разорение, Нилов скит не был сожжен, его старцы уже в начале 1620-х гг. получили жалованье по грамоте, выданной ц. Михаилом Федоровичем в декабре 1621 г. [29, с. 258].

«Литовские люди» грабили и убивали старцев, монастырских слуг и крестьян. Особенно страдало население, проживавшее вблизи монастырей. Так, после ограбления Ферапонтова монастыря «христьян де многих и жонок и девок мучили и огнем жгли...» [13, № 27, с. 51]. Трагическим выглядит перечень имен крестьян, которые «побиты от литовских людей з женами и детми». Всего список содержит 263 мужских и женских имен, почти третью часть составляют женские имена. Среди них мы находим шесть имен инокинь, возможно, стариц Воскресенского Горницкого монастыря [31, л. 785–787]. Государевы писцы в 1613 г., «дозирая» кирилловскую вотчину, нашли пустыми почти половину деревень (44,9 %) [10, с. 249]. После дозора «польские люди» продолжали разорять белозерские села и деревни, в кирилловских вотчинах живущих поселений от начала века к концу 1610-х гг. сократилось почти вдвое, причем пустошей было больше, чем деревень (59,2 %), а в некоторых волостях «пустота» достигла 81,8 % [2, с. 48–50]. Масштабы хозяйственного разорения подробно зафиксировала опись Кириллова монастыря 1621 г.: в целом убытки обители составили более 14 тыс. руб. [21, с. LXXXV–XC].

Заключение. Изучение документальных материалов монастырей Белозерского края показало, что кризис последней четверти XVI в. и великий голод начала XVII в. не привели к деградации и нарушению традиционного жизненного уклада в регионе. Ситуация резко изменилась в Смуту. Убытки, понесенные монастырями в эти годы (1612–1618), трудно переоценить: разграбленное имущество, уничтожение книжных и архивных собраний, гибель монахов, монастырских слуг и крестьян. Только кирилловская братия во главе с игуменом Матфеем смогла организовать оборону и защитить монастырь от разорения польско-литовскими отрядами и «воровскими казаками».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00134 «Антропологический фактор в России X–XVII вв.».

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-09-00134 “Anthropological factor in Russia X-XVII centuries”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины / рук. авт. кол. и отв. ред. А. Л. Шапиро. – Л. : Наука, 1974. – 322 с.
2. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / рук. авт. кол. и отв. ред. А. Л. Шапиро. – Л. : Наука, 1989. – 231 с.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1 : 1333–1598. – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. – [4], VIII, 551 с.
4. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 : 1598–1613. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Е. И. В. канцелярии, 1841. – [4], IV, 438 с.
5. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3 : 1613–1645. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Е. И. В. канцелярии, 1841. – 502 с.
6. Борисенков, Е. П. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – М. : Мысль, 1988. – 522 с.
7. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря (1550/60–1620-е гг.) // Архив Санкт-Петербур-

бургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН). – Кол. 115. – Д. 1074. – 531 л.

8. Восстание И. Болотникова : док. и материалы / сост. А. И. Копанев, А. Г. Маньков ; вступ. ст. И. И. Смирнова. – М. : Соцэргиз, 1959. – 455 с.

9. Дмитриева, З. В. Вклады горницких стариц в Кирилло-Белозерский монастырь (вторая половина XVI – начало XVII века) / З. В. Дмитриева, Т. В. Сазонова // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 3 (27). – С. 8–20. – DOI: <https://doi.org/10.2441/2311-603X-2020-00049>.

10. Дмитриева, З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. / З. В. Дмитриева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 343 с.

11. Дмитриева, З. В. Хлебный «бюджет» Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. / З. В. Дмитриева // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков : тр. СПбИИ РАН. Вып. 1 (17). – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 9–157.

12. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1 : XV в. – 1611. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1846. – 435 с.

13. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 2 : 1613–1645. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1846. – 295 с.

14. Из рукописного наследия: Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. 2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение / Н. К. Никольский ; подгот. изд. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, Т. И. Шаблова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 436 с.

15. Каштанов, С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. / С. М. Каштанов // Археографический ежегодник за 1957 г. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 302–376.

16. Кирпичников, А. Н. Великая государева крепость / А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. – Л. : Художник РСФСР, 1972. – 254 с.

17. Клейтман, А. Л. Международная научная конференция «Смутные времена в России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки (12–13 октября 2018 г., г. Волгоград) / А. Л. Клейтман // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 215–221. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.18>.

18. Колычева, Е. И. Аграрный строй России XVI века / Е. И. Колычева. – М. : Наука, 1987. – 228 с.

19. Летопись Горицкого монастыря / публ., вступ. ст. и коммент. Г. О. Ивановой // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. – Вологда :

Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1994. – Т. 1. – С. 288–355.

20. Лысиков, П. И. Библиография новейшей литературы и научные конференции (2004–2018 гг.) по проблемам Смутного времени в России (1604–1618 гг.) / П. И. Лысиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 222–228.

21. Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 1. Вып. 1. Об основании и строениях монастыря / Н. К. Никольский. – СПб. : Синодальная тип., 1897. – 432 с.

22. Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 1. Вып. 2. О средствах содержания монастыря / Н. К. Никольский. – СПб. : Синодальная тип., 1910. – 696 с.

23. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. – Коммент. изд. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1998. – 380 с.

24. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 588 (Собр. М.П. Погодина). – Д. 1908. – 252 л.

25. Опись строений и имущества Кирилло-Новозерского монастыря 1614 г. // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 115. – Д. 663. – Л. 17–32.

26. Осьминский, Т. И. Очерки по истории края: Вологодская область / Т. И. Осьминский, Н. В. Озернин, И. И. Брусенский. – Вологда : Вологод. кн. изд-во, 1960. – 455 с.

27. Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг. / сост. З. В. Дмитриева. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. – 760 с.

28. Расходная денежная книга Кирилло-Новозерского монастыря 1599 г. // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 115. – Д. 662. – Л. 38–45 об.

29. Романенко, Е. Н. Древнейшие документы из архива Ниловой Сорской пустыни: приходо-расходная книга 1611–1612 г. / Е. Н. Романенко // Вестник церковной истории. – 2018. – № 3/4 (51/52). – С. 254–275.

30. Сазонова, Т. В. Кирилло-Новозерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. / Т. В. Сазонова – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2011. – 416 с.

31. Синодик Кирилло-Белозерского монастыря 1670-е гг. // Архив Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного заповедника. – РК. 137. – Т. 2. – 730 л.

32. Шаромазов, М. Н. Ферапонтов монастырь. Страницы истории / М. Н. Шаромазов. – 2-е изд.,

испр. и доп. – Кириллов : Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2018. – 214 с.

REFERENCES

1. Shapiro A.L., ed. *Agrarnaja istorija Severo-Zapada Rossii XVI veka. Novgorodskie pjatiny* [Agrarian History of the North-West of Russia of the 16th Century. Pyatiny of Novgorod]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 322 p.
2. Shapiro A.L., ed. *Agrarnaja istorija Severo-Zapada Rossii XVII veka (naselenie, zemlevladienie, zemlepol'zovanie)* [Agrarian History of the North-West of Russia of the 17th Century: (Population, Land Tenure, Land Use)]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 231 p.
3. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoj komissiej. T. 1: 1333–1598* [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 1: 1333–1598]. Saint Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841, [4], VIII. 551 p.
4. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoj komissiej. T. 2: 1598–1613* [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 2: 1598–1613]. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1841, [4], IV. 438 p.
5. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoj komissiej. T. 3: 1613–1645* [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 3: 1613–1645]. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1841. 502 p.
6. Borisenkov E.P., Paseckij V.M. *Tysjacheletnjaja letopis' neobyčajnyh javlenij prirody* [The Millennial Chronicle of Extraordinary Natural Phenomena]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 522 p.
7. Vkladnaja kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrja (1550/60–1620-e gg.) [Giftbook of the Kirillo-Belozersky Monastery (1550/60–1620)]. *Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 1074, 531 l.
8. Kopanev A.I., Man'kov A.G., eds. *Vosstanie I. Bolotnikova. dok. i materialy* [I. Bolotnikov's Revolt. Documents and Materials]. Moscow, Socjkgiz Publ., 1959. 455 p.
9. Dmitrieva Z.V., Sazonova T.V. Vklady gorickih staric v Kirillo-Belozerskij monastyr' (vtoraja polovina XVI – nachalo XVII veka) [Gifts Endowed by Goritsky Nuns to Kirillo-Belozersky Monastery (Between the Middle of the 16th – Early 17th Centuries)]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2020, no. 3 (27), pp. 8-20. DOI: 10.2441/2311-603H-2020-00049.
10. Dmitrieva Z.V. *Vytnye i opisnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrja XVI–XVII vv.* [Vytnye and Descriptive Books of the Kirillo-Belozersky Monastery of the 16th – 17th Centuries]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2003. 343 p.
11. Dmitrieva Z.V. Hlebnij «bjudzhet» Kirillo-Belozerskogo monastyrja v nachale XVII v. [The Bread “Budget” of the Kirillo-Belozersky Monastery at the Beginning of the 17th Century]. *Monastyri i arhierjeskie dvory v dokumentah XVI–XVIII vekov: tr. SPbII RAN* [“Monasteries and Bishops' Courts in Documents of the 16th – 18th Centuries”]. Works of SPbII RAS]. Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2015, iss. 1 (17), pp. 9-157.
12. *Dopolnenija k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arheograficheskoj komissiej. T. 1: X v. – 1611* [Additions to the Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 1, iss. X – 1611]. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1846. 435 p.
13. *Dopolnenija k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arheograficheskoj komissiej. T. 2: 1613–1645* [Additions to the Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 2: 1613–1645]. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1846. 295 p.
14. Dmitrieva Z.V., Krushel'nickaja E.V., Shablova T.I., eds. *Iz rukopisnogo nasledija: Nikol'skij, N.K. Kirillo-Belozerskij monastyr' i ego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII v. (1397–1625). T. 2. Upravlenie. Obshhinnaja i kelejnjaja zhizn'. Bogoslužhenie* [Kirillo-Belozersky Monastery and Its structure Before the Second Quarter of the 17th Century (1397–1625). Vol. 2. Management. Community and Private Life. Worship]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2006. 436 p.
15. Kashtanov S.M. Hronologicheskij perechen' immunitetnyh gramot XVI v. [Chronological List of Immunity Certificates of the 16th Century]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1957 g.* [Archaeographic Yearbook, 1957]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958, pp. 302-376.
16. Kirpichnikov A.N., Hlopin I.N. *Velikaja gosudareva krepost'* [Sovereign's Great Fortress]. Leningrad, Hudozhnik RSFSR Publ., 1972. 254 p.
17. Klejtman A.L. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Smutnye vremena v Rossii nachala XVII i nachala XX stoletij: priroda i uroki» (12–13 oktyabrya 2018 g., g. Volgograd) [“Troubled Times in Russia in the Early 17th and Early 20th Centuries: Nature and Lessons” International Scientific Conference (October 12–13, 2018, Volgograd)]. *Vestnik*

Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 215-221. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.18>.

18. Kolycheva E.I. *Agrarnyj stroj Rossii XVI veka* [The Agrarian System of Russia in the 16th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 228 p.

19. Ivanova G.O., ed. *Letopis' Gorickogo monastyrja* [Chronicle of the Goritsky Monastery]. *Kirillov. Istoriko-kraevedcheskij al'manah* [Kirillov. Historical and Local Lore Almanac]. Vologda, Izd-vo Vologodskogo gosudarstvennogo pegasogicheskogo instituta, 1994, vol. 1, pp. 288-355.

20. Lysikov P.I. Bibliografiya noveyshey literatury i nauchnye konferentsii (2004–2018 gg.) po problemam Smutnogo vremeni v Rossii (1604–1618 gg.) [Bibliography of the Latest Literature and Scientific Conferences (2004–2018) on the Issues of the Time of Troubles in Russia (1604–1618)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 222-228.

21. Nikol'skij N.K. *Kirillo-Belozerskij monastyr' i ego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII v. T. 1. Vyp. 1. Ob osnovanii i stroenijah monastyrja* [Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure Before the Second Quarter of the 17th Century. Vol. 1. Iss. 1. On the Foundation and Building of the Monastery]. Saint Petersburg, Sinodal'naja tipografiya, 1897. 432 p.

22. Nikol'skij N.K. *Kirillo-Belozerskij monastyr' i ego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII v. T. 1. Vyp. 2. O sredstvakh sodержaniya monastyrja* [Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure Before the Second Quarter of the 17th Century. Vol. 1. Iss. 2. On the Means of Maintaining the Monastery]. Saint Petersburg, Sinodal'naja tipografiya, 1910. 696 p.

23. Dmitrieva Z.V., Sharomazov M.N., eds. *Opis' stroenij i imushhestva Kirillo-Belozerskogo monastyrja 1601 goda* [Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1601]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1998. 380 p.

24. Opis' stroenij i imushhestva Kirillo-Belozerskogo monastyrja 1615 g. [Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1615]. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki* [Department of Manuscripts

of the Russian National Library], f. 588 (coll. M.P. Pogodina), d. 1908, 252 l.

25. Opis' stroenij i imushhestva Kirillo-Novoezerskogo monastyrja 1614 g. [Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Novoezersky Monastery in 1614]. *Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 663, l. 17-32.

26. Os'minskij T.I., Ozernin N.V., Brusenskij I.I. *Ocherki po istorii kraja: Vologodskaja oblast'* [Essays on the History of the Region. Vologda Region]. Vologda, Vologodskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 455 p.

27. Dmitrieva Z.V., ed. *Prihodnye i rashodnye denezhnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrja 1601–1637 gg.* [The Income and Expenditure Money Books of the Kirillo-Belozersky Monastery of 1601–1637]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arheo Publ., 2010. 760 p.

28. Rashodnaja denezhnaja kniga Kirillo-Novoezerskogo monastyrja 1599 g. [Expenditure Money Book of the Kirillo-Novoezersky Monastery, 1599]. *Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 662, l. 38-45 ob.

29. Romanenko E.N. Drevnejšie dokumenty iz arhiva Nilovoj Sorskoj pustyni: prihodo-rashodnaja kniga 1611–1612 g. [The Oldest Documents from the Archives of the Nilova Sorsk Poustynia (Hermitage): The Income and Expense Book of 1611–1612]. *Vestnik cerkovnoj istorii*, 2018, no. 3/4 (51/52), pp. 254-275.

30. Sazonova T.V. *Kirillo-Novoezerskij monastyr'.* *Opyt izuchenija malyh i srednih monastyrej Rossii XVI–XVII vv.* [Kirillo-Novoezersky Monastery. The Experience of Studying Small and Medium-Sized Monasteries in Russia in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arheo Publ., 2011. 416 p.

31. Sinodik Kirillo-Belozerskogo monastyrja 1670-e gg. [Commemoration Book of the Kirillo-Belozersky Monastery, 1670s]. *Arhiv Kirillo-Belozerskogo istoriko-arhitekturnogo i hudozhestvennogo zapovednika* [Archive of the Kirillo-Belozersky Historical Architectural Art Museum Reserve]. RK. 137, vol. 2, 730 l.

32. Sharomazov M.N. *Ferapontov monastyr'.* *Stranicy istorii* [Ferapontov Monastery. Pages of History]. Kirillov, Kirillo-Belozersky Historical Architectural Art Museum Reserve, 2018. 214 p.

Information About the Authors

Zoia V. Dmitrieva, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaja St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, zvdmitr@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8989-6461>

Marina N. Rumynskaia, Editor, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaja St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, marina.rumin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9455-4247>

Tatiana V. Sazonova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaja St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, tv saz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-8717>

Информация об авторах

Зоя Васильевна Дмитриева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, zvdmitr@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8989-6461>

Марина Николаевна Румынская, редактор, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, marina.rumin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9455-4247>

Татьяна Викторовна Сазонова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tv saz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-8717>